

История философии

51. Знакомство с Иммануилом Кантом.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, сегодня мы начинаем двухнедельное путешествие с Иммануила Канта, и я бы хотел, чтобы сегодняшняя лекция была чисто вводной, а затем в следующий раз мы перейдем к материалу из «Критики чистого разума», что, вероятно, займет у нас четыре дня. Затем у нас будет день, посвященный критике практического разума в отношении этики, и день, посвященный его религиозным взглядам, что-то в этом роде. Так что, чтобы познакомить вас с ним, я думаю, что рассмотрение его проекта, его философского проекта, в соотношении с проектами его предшественников, вероятно, будет наиболее полезным.

«Критика чистого разума», его самая известная, самая длинная и самая сложная работа, вышла в 1781 году, и, подобно Дэвиду Юму, он чувствовал необходимость, помимо этого, представить более популярное мнение по этому вопросу, и поэтому, примерно 10-15 лет спустя, он опубликовал «Пролегомены к любой будущей метафизике». Теперь давайте разберемся с этим названием. Прежде всего, «Пролегомены».

Если вы слышали историю про слонов, то можете кое-что предположить. История рассказывает о людях из разных слоев общества, которые написали книги о слонах. Англичанин написал однотомное издание в твердом переплете, посвященное слонам, — очень достойное произведение.

Американец написал «An Elephant Digest», француз — иллюстрированную книгу о любовной жизни слона, а немец — трехтомные «Пролегомены к изучению слона». Что ж, это его «Пролегомены к любой будущей метафизике». Теперь давайте разберемся, что более важно, в сути метафизики.

По сути, Дэвид Юм стал скептически относиться к любому метафизическому знанию, к любому знанию о природе реальности. Всё, что мы знаем, — это явления, феномены, а всё, что выходит за их рамки, — это, в лучшем случае, вопрос веры. Поэтому именно в свете метафизического скептицизма Юма Кант определяет свой проект как «Пролегомены к любой будущей метафизике».

Иными словами, каковы перспективы метафизики в свете Канта? Да, сэр. Он ясно излагает эту направленность во введении к «Пролегоменам к любой будущей метафизике». Поэтому я почитаю кое-что из этого.

Со времен эссе Локка и Лейбница вы помните эссе Локка о человеческом понимании и новые эссе Лейбница о человеческом понимании. Со времен их

эссе, или, скорее, со времен возникновения метафизики, насколько нам известно о ее истории, отодвигая ее дальше в прошлое, ничто не могло бы оказать более решающего влияния на ее судьбу, чем атака на нее со стороны Дэвида Юма. Он не пролил свет на этот вид знания, но он, безусловно, зажег искру, которая могла бы разгореться, если бы она воспламенилась каким-нибудь легковоспламеняющимся веществом, а ее тлеющий огонь был бы тщательно возвращен и развит.

Юм начал с одной, но важной концепции в метафизике, а именно, с концепции связи между причиной и следствием, включая её производные, такие как сила. Он бросил вызов разуму, который претендует на то, чтобы тот сам породил концепцию причины и следствия, и попросил его ответить, на каком основании он считает, что что-либо может быть устроено таким образом, что если эта вещь постулируется, то что-то другое обязательно должно постулировать её в свете причины и следствия. Вот неплохое резюме того, что сделал Юм.

на следующей странице он продолжает : каким бы поспешным и ошибочным ни казался вывод Юма, он, по крайней мере, был основан на исследовании. Но Юма постигла обычная для метафизиков неудача. И имейте это в виду, если вы подумываете заняться метафизикой, — вас могут не понять.

Поистине больно видеть, как совершенно его оппоненты, Томас Рид, Освальд, Б. Д. и два других шотландских реалиста, упустили суть. Ведь, принимая как должное то, в чем сомневался Юм, и с рвением, часто с дерзостью, демонстрируя то, в чем он никогда не сомневался, они настолько неверно истолковали его ценное предположение, что все осталось в своем прежнем состоянии, как будто ничего не произошло. Вопрос заключался не в том, правильна ли, полезна или необходима концепция причины.

Конечно, Юм считал, что это так. Но можно ли эту концепцию осмыслить априори с помощью разума, независимо от опыта? Обладает ли она внутренней истиной, независимой от опыта?

В этом и заключалась проблема Юма. Вопрос касался исключительно происхождения, а не необходимости в этом понятии. Далее он указывает, что апелляция шотландских реалистов к здравому смыслу на самом деле недостаточна.

Он говорит, что обладание здравым смыслом — это действительно великий дар Божий. Но этот здравый смысл должен проявляться в действии посредством хорошо продуманных, разумных мыслей, а не путем обращения к нему как к оракулу, когда никакое другое рациональное обоснование своей позиции не может быть приведено. И поэтому он подходит к своему проекту, исходя из этого.

Поэтому я сначала задался вопросом, нельзя ли сформулировать возражение Юма в общей форме, и вскоре обнаружил, что понятие причины и следствия отнюдь не является единственным понятием, посредством которого разум мыслит априори, а метафизика состоит целиком из априорных понятий. Я попытался выяснить их число. И вы обнаружите, что он мыслит в отношении двенадцати.

Но когда мне это успешно удалось, исходя из одного принципа, я приступил к выведению этих понятий, в которых теперь был уверен, что они не выведены из опыта. Я вывел их так же, как пытался это сделать Юм, но обнаружил, что они проистекают из чистого разума. Таким образом, по сути, он собирается ответить Юму, заявив, что понятие причины и следствия, на основе которого развивался скептицизм, наряду с другими основными метафизическими понятиями, в конце концов, не выведено эмпирически, а в некотором смысле априори.

А далее он продолжает в таком же духе. Метафизика по праву занимается синтетическими априорными утверждениями. Априорные утверждения .

И он завершает свою преамбулу этим риторическим приёмом. Даже Кант способен на риторический приём. Поэтому все метафизики торжественно и юридически отстраняются от своей работы до тех пор, пока не дадут адекватный ответ на вопрос: как возможны синтетические априорные утверждения? Понятно? Ответ содержит единственные полномочия, которые они должны предъявить, когда им есть что предложить во имя чистого разума.

Но если у них нет этих квалификаций, от разумных людей, которых так часто обманывали, они могут ожидать лишь увольнения без дальнейшего расследования. Так что он готов уволить всех метафизиков, которые не могут объяснить, почему им не следует оставаться. Что ж, его проект, следовательно, весьма важен .

Он осознаёт, что в свете скептицизма Юма сама возможность заниматься метафизикой находится под серьёзным сомнением. Поэтому, если в будущем и будет существовать какая-либо метафизика, любая будущая метафизика, то необходимо, в качестве пролегомена, установить, что такие метафизические понятия являются априорными. Понятно? Вот что он и пытается сделать.

И я думаю, мы можем подойти к этому, попытавшись взглянуть на его собственную терминологию. А это терминология, которую он развивает во введении к «Критике чистого разума». И этот материал вы найдете в антологии с 367 по примерно 377. Я не утверждаю, что введение — это всего лишь

терминология, но я думаю, что введенная им терминология открывает путь к гораздо более широкой картине.

Итак, давайте рассмотрим это подробнее. В самом начале он проводит различие между тремя философскими направлениями: догматической, скептической и критической философией.

Теперь, если вы будете настроены скептически, вам не составит труда определить, кого или что он имеет в виду. Дэвид Юм. Да.

Однако догматическая философия — это философия ранних метафизиков. Тех, кто делал догматические метафизические утверждения, не исследуя их основы. Таким образом, он, безусловно, имеет в виду континентальную рационалистическую традицию.

Вы помните нашу диаграмму, где представлен континентальный рационализм Декарта, Спинозы и Лейбница. Каждый из них разрабатывает свою собственную метафизическую систему, используя методологию Декарта. Они пытаются утверждать, что существуют определенные аксиоматические первопричины, из которых можно вывести все остальное.

Это догматическая метафизика. С другой стороны, на более раннем этапе существовали такие люди, как Локк, которые, похоже, тоже считали, что метафизическое знание возможно, хотя и на эмпирической основе. И, конечно же, Беркли.

И их метафизические выводы также можно отнести к догматическим. Таким образом, это Дэвид Юм, скептик, и философы-догматики. Следует отметить, что хотя Лейбниц жил в 1700-х годах, в XVIII веке, до Канта, существовало множество других направлений метафизической философии.

Таким образом, в немецком рационализме XVIII века были преемники Лейбница. И именно у этих людей учился Иммануил Кант. Поэтому он был воспитан в рационалистической традиции, пришедшей к нему благодаря методологической революции Декарта.

Теперь он говорит, что пробудился от этой догматической спячки благодаря чтению Дэвида Юма. Эта догматическая спячка — это некритические метафизические утверждения подобной системы. И, безусловно, Юм должен был пробудить таких людей.

Таким образом, когда он приступает к своему собственному проекту, его проект — это критическая философия. Иными словами, попытка исследовать условия,

которые сделали бы метафизику возможной. Критика эпистемологических основ метафизики.

В этом смысле это критика. Поэтому его главный труд, с которым он сейчас нас знакомит, называется, как вы заметили, критикой. Критическая философия.

Критика чистого разума. Чистого, то есть априорного, без какого-либо эмпирического обоснования. Таким образом, он пытается критически взглянуть на возможности, которые лежат в основе чистого разума.

Рассуждение вне зависимости от опыта. Возможности метафизики. Критика чистого разума.

Речь идёт о метафизическом знании. И о традиционном подходе к метафизическому знанию. То есть, скажем так, речь идёт о традиционном метафизическом знании.

Теперь вы обнаружите, что помимо первой критики 1781 года, чуть позже он предложил вторую критику. Критику практического разума. Третий термин, практический разум, со времён Аристотеля, обозначает этическое мышление.

Таким образом, это оказывается критикой не метафизического знания, а морального знания. Следует помнить, что в этой метафизической традиции утверждалось, что моральное знание так же легко выводится из первых истин, как и метафизическое знание. Джон Локк считал, что, по крайней мере в принципе, мы должны быть в состоянии вывести моральное знание так же, как и математическое.

Дедуктивно. Исходя из интуитивных основ или чего-то подобного. Или из нашего знания о природе человека.

В случае с моралью. И Дэвид Юм, как вы помните, в первой главе своего «Исследования» проводит различие между абстрактной и практической философией. Если абстрактная философия занимается метафизикой, то практическая философия — это философия морали.

А фраза «моральная философия» на самом деле означала не только этику, но и политическую теорию, и всё остальное, что имело отношение к человеческой деятельности. Таким образом, критика практического разума — это критика эпистемологического статуса морального знания. И впоследствии он выдвинул третью критику.

Это была критика суждения. А это связано с эстетическим суждением. С эстетическим знанием.

И в отношении природы, где мы выносим всевозможные суждения о порядке вещей. Видите ли, именно упорядоченность природы была тем, о чем говорил научный ум XVIII века. Он был настолько убежден в этом.

Упорядоченность природы. Красота природы. Таким образом, это эстетическая оценка природы .

Что касается произведений искусства. Эстетическое знание было уподоблено моральному знанию Дэвидом Юмом и некоторыми философами, изучающими чувство морали. Понимаете ? Итак, рассмотрев моральное знание, он переходит к другому, эстетическому знанию.

возникают вопросы. И в каждом случае он рассматривает, рассматривает или пытается рассмотреть предпосылки , которые сделали бы возможными суждения о знании. Предпосылки самой возможности морального знания.

Об эстетическом знании. И о метафизическом знании. Возможно, вы заметите это, предвосхищая тот факт, что критика чистого разума приходит к выводу об отсутствии возможности метафизического знания в традиционном смысле, предполагающем объективность и логическую достоверность.

Догматическая уверенность в вопросах метафизики невозможна. И это относится к трем областям метафизики, которые доминировали в его время. В немецкой рационалистической традиции они делили метафизику на три части.

Кристиан Вольф. Один из них разделил это на философскую психологию и философскую космологию.

И философская теология. Разумеется, она касается разума, природы и Бога. Конечно, после обсуждения этих трех тем говорить уже особо нечего.

Природа, разум и Бог. Так что это довольно всеобъемлющий подход . Поэтому его выводы о естественной теологии, теологии, основанной исключительно на разуме, являются негативными.

Он критикует аргументы в пользу существования Бога на основании отсутствия адекватных предпосылок, делающих его существование возможным. Но вот что интересно: он далее предполагает, доказывает, что метафизическая вера возможна на основе, да, некоторых вещей в традиционном подходе к метафизике, но также возможна на основе морального и эстетического знания. Таким образом, именно на этой основе, а также на этой основе, мы, соответственно, развиваем метафизические убеждения.

Итак, снова возникает различие между знанием и верой. Кант критикует возможность метафизического знания и логической достоверности. Но во всех трех своих критических замечаниях он находит основания для определенных метафизических убеждений, включая веру в Бога.

Итак, это общая картина. Теперь нужно добавить, что его стремление сделать это доступным привело к созданию более читабельных и кратких версий первых двух. Так что краткая версия первой — это то, что я только что вам зачитал, пролегомены к любой будущей метафизике.

Более краткая версия критики практического разума — это метафизические основы морали. И обычно отрывок о кантовском категорическом императиве в этике, который мы предлагаем студентам прочитать на вводных курсах, взят именно из метафизических основ морали. Вот такая картина.

Он также занимался исследованиями религии, в частности, работой под названием «Религия в рамках одного лишь разума». В ней он задается вопросом о возможностях религиозного знания независимо от откровения. Какое знание о Боге мы получаем таким образом? Хорошо.

Нам будет что сказать обо всем этом. Эти работы будут опубликованы в течение следующих нескольких недель. Хорошо, есть вопросы? Оставляйте комментарии. Всё это в контексте того, что он подразумевает под критической философией. В конце концов, если критическая философия — это его проект, то нужно говорить обо всём его проекте, понимаете?

К кому я обращался? Да. Вы сказали, что его метафизические убеждения основаны на моральном и эстетическом знаниях. В основном на этих двух, или первое тоже играет роль? Первое тоже играет роль, поэтому я и поставил стрелку вниз.

Его вывод, и мы нашли его фрагмент в антологии, к первой критике, по сути, сводится к тому, что нет, мы обладаем знанием только о явлениях, феноменах. Но с другой стороны, по практическим соображениям, мы вынуждены верить, понимаете. Это немного больше, чем просто психология веры.

Но опять же, он апеллирует к тому, что Юм и шотландские реалисты называют склонностями человеческого разума. Видите ли, к склонностям человеческого разума. Таким образом, все три фактора способствуют формированию метафизических убеждений.

Проблема в том, что, как и в случае с Юмом, люди иногда читают только первые четыре раздела, считают Юма скептиком, а затем забывают о том, что следует дальше, так и с Кантом они читают его отрицательные выводы и игнорируют то,

что следует далее. Понимаете? Но вывод Юма, как и вывод Юма, касается веры, так и вывод Канта касается веры.

На самом деле, в предисловии к первой «Критике» он говорит, что нам придётся отказаться от знания, чтобы освободить место для веры. Отказаться от знания, чтобы освободить место для веры. Видите ли, если вернуться к платоновской «разделённой линии», он проводит это чёткое различие между ними.

Видите ли, сегодня мы воспринимаем знание лишь как подмножество убеждений. Убеждения, которые соответствуют определенным условиям. Но начиная с Платона и заканчивая Кантом, нет, это две совершенно разные вещи.

Знание предполагает либо непосредственное осознание чего-либо в результате диалектики или интуиции относительно аксиоматических, самоочевидных вещей, либо доказательное знание, вытекающее из таких первопричин. Видите ли, это и есть понятие знания. У веры этого нет.

Вы сказали, что это четкое различие — нечто, что возвышает и повторяется в загробной жизни? Нет, история не утверждает, что на этом заканчивается платоновское разделение между знанием и верой, и мы никогда больше к нему не обратимся. Нет, хотелось бы, чтобы все было так просто. Допустим, начиная с Юма, грань между ними ослабевает.

Чтобы вы не могли предполагать, что люди используют эти термины в совершенно ином смысле, как это принято в платоновской традиции. Нет. В 1960-х годах в эпистемологии произошло развитие, в результате которого мы стали определять знание как обоснованное истинное убеждение.

Таким образом, знание — это подмножество убеждений. И начиная с 60-х, 70-х и 80-х годов люди работают над тем, что такое условия обоснования. И при каких условиях можно сказать, что ты оправдан в своей вере в истинность чего-либо? Но это происходит из-за ослабления чувства знания.

Хорошо, давайте посмотрим, что дальше? Априорное и апостериорное. Апостериорное. Да, и вы можете найти это в тексте примерно с 369 по 373 страницу в этом районе.

Мы уже знакомы с терминами «априори» и «апостериори» просто потому, что они широко использовались не столько предшественниками Канта, сколько людьми, которые о них говорили. У Юма различие проводилось между отношениями идей и фактами. И в последующей эмпирической традиции это различие Юма остается довольно четким.

Отношения идей являются просто аналитическими. Они имеют простую форму логических истин, таких как A равно A , A не является не- A . Холостяк — это неженатый мужчина.

Кошка есть кошка есть кошка. Откуда у вас логическое тождество? Хорошо, логические истины. Отношения идей.

Если вы знаете идеи, вы можете вывести такие взаимосвязи. Поэтому он считал математику относящейся к отношениям идей. Потому что, если даны аксиомы, вы выводите взаимосвязи между аксиомами, следствиями, при доказательстве теорем.

И все это знания, полученные из взаимосвязанных базовых понятий. Факты же описываются более синтетически. То есть, они могут быть ложными.

Они не обязательно верны. Это случайные истины. Они могут быть ложными.

А они могут быть ложными, потому что предикат добавляет нечто, что логически не связано с подлежащим. Ну, видите ли, холостяки несчастны. Это может быть правдой, но между ними нет логической связи.

Таким образом, у нас есть синтетические истины, которые иногда называют фактическими истинами, а иногда материальными истинами. Иными словами, они имеют предметную область. Итак, у нас есть эти две.

А во второй категории собрались бы все науки. Физические науки, биологические науки и психологические науки тогда назывались бы ментальными науками. Таким образом, все науки уместились бы там.

И, конечно же, метафизика, которая считалась наукой. Именно Юм сказал нам: нет, это не наука. Это не наука.

Потому что это не даёт знаний. Но до Юма, да, именно так это и рассматривалось. Теперь, как вы можете видеть, начинают появляться определения.

Аналитический подход: да, предикат логически содержится в субъекте. А утверждение просто раскрывает его смысл. Это неизбежно верно.

Вы это понимаете? Сказуемое, то, что утверждается относительно подлежащего, логически является частью подлежащего. Три плюс пять равно восьми. Холостяки — это неженатые мужчины.

В синтетических предложениях предикат не содержится в субъекте, а дополняет его. Однако отличительной чертой подхода Канта является дальнейшее разграничение между априорным и апостериорным. Термин «апостериорный» проще понять, он просто означает «зависящий от опыта».

Зависимость от опыта. Последующее развитие опыта. И Кант, следовательно, поспешил заявить, что существуют несомненные синтетические апостериорные утверждения, предложения.

Да. Есть вещи, которые мы говорим, и которые, кажется, основаны исключительно на опыте. Синтетический апостериорный анализ.

Точно так же, когда он говорил о наличии аналитических априорных утверждений, он не говорил ничего нового. Априорность в самом простом понимании означает независимость от опыта. И очевидно, что аналитические отношения идей независимы от опыта.

Чтобы понять, что два плюс один равно трём, не нужно считать пальцы, если вы действительно разбираетесь в понятиях «два плюс один». Это логически необходимо. Так что в этих двух аспектах проблем нет.

Проблема возникает, когда он добавляет к этому понятие синтетического. Априорного, что, кажется, сводится к смешиванию яблок и груш, персиков и бананов.

Синтетическое априорное понимание. Теперь, чтобы яснее понять, что он имеет в виду, давайте немного точнее разберемся, что он подразумевает под априорным пониманием. Думаю, в большинстве наших вводных курсов мы довольствуемся утверждением, что априорное понимание означает независимое от опыта.

Но Канта это не устраивало. Кант хочет сказать, что априорное знание будет универсальным и необходимым. Универсальным и необходимым.

Таким образом, априорные истины будут универсально истинными. Не только относительно какой-либо конкретной ситуации. Универсально истинными.

И это обязательно правда. Они никак не могут быть ложными. Да.

Потому что не только аналитическое знание обязательно истинно, но и априорное знание обязательно истинно. Таким образом, у вас есть два вида априорного знания, а не один.

Есть аналитические априорные понятия, такие как тавтологии. И есть синтетические априорные понятия, такие как физика. Возможно, метафизика.

Конечно, математика, которую он там использует. Да. Потому что синтетическое априорное понимание Канта включает в себя математику, физику, естественные науки, то есть метафизику.

Заниматься чем-либо, кроме простого обсуждения явлений. Математика, физика, метафизика. Да.

И вы обнаружите, что в «Критике чистого разума» есть три основных раздела, в которых он рассматривает эти вопросы. Первый из них он называет трансцендентальной эстетикой. В нем он объясняет основы математического знания.

А? Эстетика? Ну, подождите. Но не стоит на это рассчитывать. Да.

В немецком языке слово «эстетика» связано с чувственным восприятием. С любым видом осознанного восприятия. Хорошо.

Итак, трансцендентальная эстетика. Затем следует трансцендентальная аналитика. Это знакомит его со знаниями физики и принципами физики.

А затем трансцендентальная диалектика. Где он рассматривает, да, метафизику. И именно трансцендентальная диалектика состоит из этих трех частей.

Заниматься рациональной или философской психологией. Рациональной или философской космологией. Рациональной или философской теологией.

Вы можете ознакомиться с этим в оглавлении, которое нам предоставил наш редактор. Очень полезная информация на странице 366. Заметили? Посмотрите.

На странице 366 он приводит первую часть, трансцендентальную эстетику. Вторую часть, трансцендентальную логику. Первый раздел, трансцендентальный анализ.

Раздел второй, трансцендентальная диалектика. Итак, его мысль заключается в том, что у нас есть рациональное знание. Универсальное и необходимое.

Или вопрос в том, обладаем ли мы действительно универсальными и необходимыми знаниями априори. Это синтетическое знание.

То есть, это расширяет смысл терминов. Возможно ли иметь фактическое знание, знание фактов, априори? В этом и заключается вопрос. Разве не в этом заключался его замысел? Возможна ли метафизика на априорной основе? Метафизика предполагает синтетическое знание, знание фактов о реальности.

Итак, это своего рода концептуальный аппарат, который он разрабатывает именно с этой целью. Теперь, чтобы немного уточнить, посмотрите на страницу 369. 369.

Вверху второй колонки. Тем из вас, кто не принёс антологию, она понадобится на протяжении всего изучения Канта. И навсегда после этого.

369, второй столбец вверху. Мой вопрос: чего мы можем надеяться достичь с помощью разума, когда отбрасывается весь материал и помощь опыта? Что мы можем достичь независимо от опыта? Априорного знания. Затем, в середине этого столбца, он говорит, что к автору, взявшемуся за это дело, предъявляются два основных требования.

Во-первых, что касается достоверности. И в середине этого абзаца он говорит, что всякий вид знания, который претендует на априорную достоверность, заявляет о том, что он должен считаться абсолютно необходимым. Абсолютно необходимым.

Чистое знание, априорное, которое является мерой всей аподиктической философской уверенности. Аподиктическое? Да, доказанное, доказуемое. Логически необходимое.

А на странице 371, в самом низу второй колонки, общие истины, имеющие характер внутренней необходимости, должны быть независимы от опыта, ясны и несомненны сами по себе. Поэтому они называются априорным знанием. Но обратите внимание, что он называет их общими истинами.

Видите ли, они имеют логически универсальную форму. Все. Не просто некоторые, не просто локальные, а все.

Настолько универсальное и необходимое, что критерий заложен в априорном понимании. И в начале строки 372, примерно на середине первого абзаца, даже если мы уберем из опыта все, что относится к чувствам, останутся определенные исходные понятия и суждения, выведенные из них, которые должны были возникнуть полностью априорно, независимо от всякого опыта. Так что довольно очевидно, чего он добивается.

А в начале страницы 373, в первом столбце, он приводит математическую иллюстрацию, и я оставляю вам возможность поэкспериментировать с ней.

Фраза «синтетическое априори» вводится на странице 374. Синтетическое априори, 374, второй столбец, вверху.

В априорных синтетических суждениях эмпирическая помощь отсутствует. Если я хочу выйти за рамки понятия А, чтобы найти другое понятие В, где же то, на чём я могу опереться и благодаря чему может стать возможным синтез А и В? Учитывая, что у меня нет возможности осматриваться в поле опыта. Возьмём утверждение, и вот ключевое утверждение Юма, утверждение о том, что всё происходящее имеет свою причину.

Вот так. В концепции происходящего я, несомненно, подразумеваю нечто существующее, чему предшествовало время, и из этого можно вывести определенные аналитические суждения, но концепция причины выходит за ее рамки. У меня, несомненно, есть представление о чем-то предшествующем.

Конечно, соединения. Закономерности. Постоянные соединения.

Да, он согласен с Юмом, это у нас есть. Хорошо. Но у нас нет понятия причины.

И это указывает на нечто иное, чем просто то, что происходит, и это не содержится в представлении о происходящем. Итак, как насчет причинно-следственной связи? Хорошо. Есть вопросы, комментарии? Хорошо.

Трансцендентальный метод. И вы заметите, что в этом контексте термин «трансцендентальный» используется несколько раз. Я называю знание трансцендентальным, говорит он на стр. 375, которое занимается не объектами, а априорными понятиями.

И это довольно хорошее определение. Не путайте трансцендентальный с трансцендентным. Теперь, если вы мыслите как теолог, слово «трансцендентальный» сразу же вызывает мысль о боге, который где-то там, вне нас.

Бог, превосходящий это творение и действующий так, словно он находится вне его. Трансцендентный. Сам термин «трансцендентный» ничего подобного не означает.

Если вы мыслите не как теолог, а как представитель американской литературы, то вам знаком термин трансцендентализм. Термин «трансцендентальный» относится не к чему-то внешнему, а к чему-то внутреннему, внутреннему и окружающему, пронизывающему всё. Американский трансцендентализм основывался на представлении о том, что человеческий дух — это созидательная, выразительная сила, но не ограниченная только мной.

Это созидательный дух, пронизывающий всё сущее, который действует в моём созидательном духе и через него. Своего рода пантеизм. И каждая человеческая душа, разум, дух участвуют в этом мировом духе.

Это можно найти у Эмерсона. Трансцендентализм. Трансцендентализм был американской версией немецкого романтизма XIX века, с его пантеистической или панантеистической направленностью.

Кстати, без Канта не было бы ни трансцендентализма, ни романтизма. Он — тот философский переход, который сделал это возможным. Он придумал этот термин раньше, чем они.

Они просто украли это. Вернее, взяли займы. Воспользовались этим в своих целях.

Но, видите ли, если у вас есть понятие трансцендентализма, вы можете вернуться к истокам этой идеи в том, о чем говорит Кант. Он говорит о внутренних ресурсах человеческого духа. Внутренних ресурсах человеческого разума.

Что же разум априори привносит в поиск знания? Трансцендентальный метод — это метод доступа к этим внутренним ресурсам, которыми обладает человеческий разум. Вот почему я говорю: забудьте на мгновение о понятии трансцендентного. Трансцендентальный фокус делается не на внешнем, а на внутреннем мире.

Итак, если мы скажем, что критическая философия — это попытка критиковать традицию, задаваясь вопросом о том, какие ресурсы разум предоставляет априори, то, очевидно, трансцендентальный метод — это именно тот метод, который вам нужен. Метод, позволяющий добраться до этих внутренних ресурсов. Существуют ли определенные универсальные предпосылки, которые каждый человек привносит в поиск знаний? Видите ли, именно такой вопрос он и задает.

Однако предположение, кажется, подразумевает некую теорию, некое утверждение, нечто большее, чем то, о чём думает Кант, а именно — понятие. Существуют ли какие-либо универсальные понятия? Однако, следует быть осторожным. Потому что он не говорит о том, что мы, начиная с Платона, привыкли считать врождёнными идеями.

Врожденная идея — это уже сформированная идея, которая существует в вашем уме, и вы можете ее вспомнить. Или, говоря языком Декарта, врожденная идея — это нечто самоочевидное, что возникает в уме ясно и

отчетливо. Это своего рода заранее сформированная идея, которая у вас уже есть.

Но априорное понятие, к которому стремится Кант, не является полноценным понятием. Это не ясная идея. Это не нечто самоочевидное.

Это скорее план. Или, скорее, структура для вашего мышления. Это скорее сетка, через которую вы будете просеивать поступающую информацию.

Или форма, в которую вы будете заливать свой опыт. Обычно я использую в качестве примера форму для льда с удобными разделителями. Вы наливаете воду, и, о чудо, через некоторое время получаются красивые кубики льда.

С ними можно справиться. Довольно сложно держать воду в руке. Джей Вудс, кажется, похож на какую-то сумасшедшую пластилиновую массу.

Платон. Да, это такая штука, как у Платона: ты выдавливаешь Платона через эту штуку, превращая его во всевозможных красивых животных. В формы животных.

Ну, можно представить это как шприц для печенья, который делает рождественское печенье, выдавливая смесь через насадки, и из него получаются всевозможные печенья в форме звездочек и всякие другие причудливые вещи. Нет, это априорная структура. Структурирование.

Структура. Да. Сменим метафору.

Это как если бы у нас была априорная линза, которая фокусирует внимание на вещах. Да, ты прав. Линза.

Когда я бреюсь утром, я снимаю очки, потому что они запотевают. Но когда дело доходит до волос чуть ниже бакенбардов, мне приходится снова надевать очки, потому что я не вижу, что делаю. В остальном я могу полагаться на ощущения.

Но быть наполовину слепым, как летучая мышь, — это значит быть совершенно слепым. Без очков, понимаете, мне нужно развлекаться. А без линз невозможно ничего знать или думать.

Понимаете, о чём я говорю? Это то, чего нельзя увидеть. У всех одинаковые линзы. Сходите в дешёвый магазин и купите себе очки.

Нет, вам это не нужно. Вы уже обладаете этим, создайте это сами. Понимаете, о чём я говорю? Именно эту априорную структуру он и пытается раскрыть с помощью трансцендентального метода.

Используйте разные термины. Мы различаем, говоря, об отношениях идей и фактов, формальные и фактические истины. Формальная — это просто имеющая логическую форму.

Априорными понятиями для Канта являются лишь формальные принципы, придающие вещам рациональную форму. В отличие от фактических понятий, которые рассказывают о вещах. Таким образом, сами по себе априорные понятия ничего не говорят.

Они ничего не утверждают. Это всего лишь формальные принципы, которые помогают вам, которые автоматически упорядочивают и структурируют ваше мышление определенным образом. И причинно-следственная связь будет одним из таких принципов.

Как я уже сказал, есть еще одиннадцать других. Хорошо, коперниканская революция. Да, Кант говорит нам, что это представляет собой новую коперниканскую революцию.

Теперь вы знакомы с первым из них. Коперник. Он изменил наше представление о Вселенной, переведя его из геоцентрической в гелиоцентрическую модель?

Земля в центре, Солнце в центре. Раньше мы, можно сказать, смотрели из самого сердца всего, что наблюдаем. Теперь же, благодаря Копернику, мы оказались где-то на периферии.

Нас поставили на место. Не совсем оттеснили на обочину. Но мы в какой-то степени осознаем свое место и понимаем, что мы не находимся в центре событий.

Понимаете? Другими словами, ракурс, точка зрения, с которой мы исходим, перспектива, другие. С философской точки зрения, перспектива, угол зрения при размышлении о вещах в эпоху Просвещения, заключался в абсолютной объективности. Объективности всего восприятия и знания.

Иногда это называют, как называет это Джон Дьюи, теорией наблюдателя. Знание — это зрелищный вид спорта. Вы — наблюдатель, а не участник.

Вы к этому не причастны. Вы всего лишь получатель. Но Коперниканская революция, новая Коперниканская революция, вводит субъективность.

Субъективность в том смысле, что вносит свой вклад сам человек. Не всё так субъективно. Нет, но человек вносит формальные структуры.

Априорные понятия. Понимаете ? В этом смысле мир, который мы знаем, — это мир, каким мы его создали. Да.

Мир причинно-следственных механизмов, со всеми необходимыми связями и действующими силами, — это тот мир, который мы себе представляли . Вопрос о том, так ли это на самом деле, — это уже другой вопрос. Что касается Коперниканской революции, её масштабы огромны, но результатом для Канта стало его разграничение феноменов и ноуменов.

Потому что если то, что мы знаем, — это мир, который мы так структурировали, то это просто то, как он нам представляется. То, что я знаю, — это то, как он мне представляется. Явления.

Феномен, который в его немецкой терминологии называется Ding für mich , то есть "вещь для меня". В то время как ноумена, реальность вещей, — это Ding an sich , сама вещь . И поскольку наша субъективность структурирует мир определенным образом, то то, что мы знаем, если мы вообще что-то знаем, мы знаем через эту систему координат, через эту призму.

Видите ? Мы знаем только явления, а не ноумены. Вот почему его вывод отрицает существование метафизического знания. Именно эти предпосылки делают мышление возможным.

Субъективное условие. Конечно, Лейбниц и другие говорили о predetermined гармонии. И если окажется, что структуры, формирующие наше мышление, также формируют мир, то мы получим монополию на реальность.

Понимаете ? Один из способов, которым некоторые пытались интерпретировать Канта, заключался в том, чтобы согласиться с существованием априорных понятий, но при этом утверждать, что они действительно структурируют реальность. Таким образом, у нас есть метафизическое знание, мы можем заниматься естественной теологией и так далее. Проблема в том, что, хотя Кант считал эти априорные структуры универсально одинаковыми для всех людей, в XIX веке они быстро стали подвергаться культурной релятивизации .

Именно это и сделал Макс Вебер. Понимаете ? И другие. Так что, если априорные структуры становятся относительными к какой-либо культуре, то все человеческое знание становится релятивистским.

Теперь я склонен думать, что существует и третья альтернатива, а именно, что априорные структуры логически не необходимы, но они культурно и исторически развивались, проверялись и доказывались в ходе истории и человеческого опыта, так что они прагматически оправдали себя. Понимаете ? И у вас есть оправданное убеждение, что вещи таковы, какими они их видят. И это позволяет произойти всем коперниканским, всем научным революциям, о которых говорят такие люди, как Томас Кун.

Сдвиги парадигмы — это изменение априорной системы. Но вы понимаете, к чему ведёт Кант. Ладно, может, на этом стоит остановиться.

Я продолжу на этом месте в следующий раз. Хочу сказать еще кое-что в качестве введения, и это будет хорошим началом, а именно, об историческом влиянии этого на Канта. Историческое влияние.

И это поможет нам вернуться к тому, о чём мы говорили сегодня, прежде чем мы продолжим. Хорошо.